

Смирнов Борис

Метамодерн

Метамодерн

12+

Борис Ильич Смирнов

Метамодерн

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66058840

SelfPub; 2021

Аннотация

В данном произведении описывается вся суть метамодерна и метамодернизма в наше время.

Борис Смирнов

Метамодерн

Метамодернизм – опасность планетарной атрофии креативности. Как нейтрализовать глобальный кризис креативности? Деловая записка АГТУ от 17 мая 1999 года. Изд. МГТУ им. Н. Э. Баумана. 2001. N 5. С. 20-25. Подписано к печати: «: Класс А. А.». Орфография и пунктуация нашей версии – ОМ. Подпись: Класс А. А.». Перевод на русский язык В. В. Крайнева. Глава «Риск этнических катастроф» – см. Приложение 1.] Это, конечно, более серьезная и политически более амбициозная угроза, чем вышедшая из моды «природная этничность», о которой пишет К. Крутиер. Такая концепция, пожалуй, мощнее. Но очевидно и то, что в ней нет исторической перспективы. Хуже того, эта опасность касается не только великих культур, но и тех малых, которые, словно печка, пылали в эпоху нашей славы. Это, как показывают недавние примеры, абсолютно непреодолимо. Что же делать? Борьбаться с ней или предоставить ей такой статус? Вот как мы решили поступить. Наш стратегический девиз: «Пусть живут птицы! Пусть трудятся люди! Да здравствует ХХ век!» Эти слова похожи на афоризм, но когда они вырываются из наших уст, вслед за ними следует невидимый им всем взмах крыла. Как мы видели, есть только два возможных способа победить эту опасность: уйти в тень и ждать,

пока тень ее поглотит. Или умереть вместе с ней. Мы ничего не говорили о том, какой из этих путей верен и осуществим. Так же, как не говорили о неизбежности конца, которое так ясно обрисовано в Библии, не будем говорить и о поражениях. Даже если они будут очень большими. Мы говорим о другом: если мы не можем победить самого главного врага на этой планете, нужно всеми силами бороться с тем, что мешает ему. Враг не победить, но необходимо избавиться от всего, мешающего ему. Как это сделать, мы расскажем в следующих главах. А сейчас – главное. Да здравствует XX век! За ваше здоровье! И да помогут вам в этом боги. Они же – воины света. И поскольку мы пока еще живы, они нам не нужны. Но эти приключения, конечно, только начинаются. А пока пусть птицы живут! Как вы этого желаете». Все было красиво и поэтично, но окончательно привести публику в благостное состояние мне не удалось – она все время вздрагивала и оглядывалась на кошку, которая устроилась на руках у Мары.

«А кошка-то как хорошо устроилась, – сказала Аля. – Вот бы всех наших таких. Как здорово было бы». С этой мыслью она поднялась, подошла к сумке и стала рыться в ней, что-то бормоча себе под нос. Я подошел и тронул ее за руку. Она вздрогнула и выпустила кошку. Кошка в это время попыталась убежать в кусты, но Мара пнула ее ногой. Кошка запрыгала по кустам, но Мара успела схватить ее за хвост. «Лучше оставьте ее в покое, – сказал я. – Накличете. Иди-

те лучше проводите нас до станции». Мы вышли на дорогу. «Дальше вам идти нельзя, – сказал я. – Дальше живут мои друзья». Я соврал. В действительности никто не жил дальше, но я решил, что все равно безопаснее идти именно так. Мы дошли до станции, сели в электричку и поехали. Меня не оставляло чувство, что за нами следят. Это было какое-то инстинктивное чувство, но оно довольно быстро исчезло – в электричке почти никого не было. Кошка успокоилась и уснула в Алиной сумке. Мы вышли в Кондопоге, пересели на другой поезд и через два с половиной часа сошли на какой-то сельской станции. Мара порылась в сумке, вытащила кошку и запихала ее в сумку. До Череповца нам предстояло идти еще пять часов. Дул пронизывающий ветер. Был уже конец октября, но я помню, как мы с Марой надели новые куртки и вдруг увидели на глазах лежавшего возле нашего вагона бомжа чье-то старое пальто. Мы сразу поняли, что за нами следят. Мара пошла к нему, а я принялся выжимать из одежды и своего и ее содержимое. Бомж открыл глаза, поглядел на нас и сказал: «Хорошие куртки, между прочим». Я сначала не понял, о чем он, а потом догадался, что это куртка, в которую его кто-то когда-то одел. Мы пошли вперед. Я заметил, что на всех женщинах этой страны – почти все с одинаковым типично русским лицом – надеты серые куртки. Со временем я пришел к выводу, что русские просто стали одеваться так, чтобы быть похожими на северных жителей. Особенно когда они пьют – но в конце концов и в

этом я убедился сам. На какое-то время эта мысль даже захватила меня. Я даже стал называть время от момента, когда я начинал понимать это, часом езды на восток. Но к тому времени я уже почти любил Россию. Сейчас я не стану описывать все увиденное мной, а скажу только, что более красивого города в моей жизни не было. Мне даже показалось, что я понял смысл этой фразы – «из окна московского вагона». Поколение, которое ненавидело этот город, относилось к нему снисходительно. Я думаю, что главной причиной было то, что Москва все-таки лучше большинства других городов, с которыми ассоциировалась эта категория населения. Почти в каждом храме – особенно в тех, которые были выстроены по русской моде, – можно было увидеть священника, читающего стихи. Я думаю, что это были либо поэты, либо уже пожилые люди, обнаружившие, что они не хуже других людей. Дело не в том, что среди них были великие – я не видел среди них ни одного гения. Я видел только толпу приятных молодых людей, одетых и причесанных не хуже, чем их отцы.

За всем этим чувствовалась подлинная душа, чувство, которого не могла вызвать даже аристократия Петербурга. Это и была жизнь. А мысль, что подобное может происходить во всех столицах мира, мне показалась просто смешной. Я чувствовал, что эта радость отнюдь не личная привилегия каждого отдельного человека, но, может быть, присущее ей пер-

вородное чувство, дарованное человеку от рождения. Тут я заметил, что на меня опять кто-то смотрит. Это была женщина средних лет с бледным продолговатым лицом и черными, как смоль, волосами. Она стояла у двери слева от алтаря и смотрела на меня. Я узнал ее. Это была Ирина Кижевич. Ирина несколько раз появлялась в Териоках и почти каждую встречу вызывала во мне тихое отчаяние, от которого я терял дар речи. Она была религиозна, и я не любил ее. Теперь я испытывал к ней симпатию и думал, что после происшедшего в Андреевском монастыре вряд ли мы с ней будем встречаться на религиозной почве. Может быть, она что-то сказала на ухо Филофею? Тогда неудивительно, что он так быстро принял меня за сатаниста. Но Ирина смотрела на меня, и на ее лице было такое выражение, словно она просила разрешения войти. Я махнул ей рукой, и она вошла в церковь.

Ирина оказалась невероятно любопытна. Это было не просто любопытство – ее внимание было сосредоточено не на мне, а на вещественном мире. Она рассматривала вещи с точки зрения их телесной достоверности. Для нее как для человека новой эпохи все то, что напоминало ей о новой религии, было из ряда вон выходящим, невероятным, но в то же время обладало мистической несомненностью, которая многократно усиливала ее мистическую значимость. Она пришла посмотреть на меня и долго простаивала перед новыми иконами. Потом она подошла к иконе св. Иоанна, даже потрогала ее пальцем и подняла на меня глаза, словно спраши-

вая, можно ли на нее молиться. Я понял, что она чувствует, и засмеялся. Видимо, филофею стало не по себе. Я подумал, что она пришла ко мне просто потому, что других людей рядом не было. Для нее, похоже, не существовало никаких моральных критериев в отношениях со священниками. Она ощущала себя, видимо, как соловей, севший на грудку мотыльку. Она была уверена, что ее жизнь принадлежит не ей, а славе, которая уже была запечатлена на этих стенах. Она действительно считала эти стены и эти иконы самим Богом. Но не все так просто. Здесь, в пустыне, когда Бог все так близко, гораздо труднее выбрать между Богом и мотыльком. И кого выбрать – это тоже зависит от тебя. Ты попадаешь в эти сети по собственной воле, и если мотылек тоже думает, что он – Бог, то любая в них окажется в ловушке. И от этого мотыльки с самого начала уже зависимы от нас. Тогда мы сможем определять, что из этого мотылька есть бог. Мы можем быть рядом, когда мы видим это чудо. Но в тот момент, когда мы считаем это настоящим чудом, нас уже нет.